

**«МИР КАК ТЕКСТ»
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ ЛЮБКО ДЕРЕША «АРХЕ»)**

Н.М.Захарчук

(аспирант, Измаильский государственный гуманитарный университет)

У статті розглядається теорія постмодернізму «Світ як текст» за твором Любко Дереша «Архе». З розвитком постмодернізму в літературі текст став своєрідним прообразом світу, в певному розумінні його заміщенням, що певним чином моделює проекцію свідомості індивіда, для якого слова «світ» і «текст» мають одне значення.

The theory of postmodernism “the world as the text” in L. Deresh’s work “Arkhe” is analyzed. With the development of postmodernism in literature, text became an original prototype of the world, in some way its substitution, which models the projection of somebody’s consciousness, for whom the words “the world” and “the word” have the same meaning.

«Мир как текст» – данная теория постмодернизма была создана на основе концепции одного из самых влиятельных современных философов (а также культуролога, литературоведа, семиотика, лингвиста) Жака Деррида. Согласно Деррида, «мир – это текст», «текст – единственно возможная модель реальности» (1, 18).

В XIX в. литературный текст являлся основной единицей для литературного анализа и чтения-восприятия. Он рассматривался в качестве отдельного и целостного живого организма. В первой половине XX в. под влиянием структурной лингвистики методология исследования текста опиралась на понятия структуры и системы. Лингвистический подход позволяет объяснять его как конкретную реализацию лежащей в его основе универсальной структуры. Ввиду этого начала разрабатываться текстуальная лингвистика, которая выходит за уровень фразы, но исследует текст по аналогии с фразой. Лингвистические категории при этом переносятся в сферу текстуального анализа: фонологическому анализу соответствует риторический анализ, синтаксическому — дискурсивный, семантическому — тематический.

Такой подход радикально меняет само понятие текста. Теперь он не является строго выделенным и законченным целым, у него нет внутренней структуры и организации. Все тексты тесно связаны между собой, переплетаются и перекрещиваются друг с другом, образуя запутанный лабиринт, для выхода из которого нет никакой ариадниной нити. «Каждый текст, — полагает Деррида, — есть машина с несколькими головами, читающими другие тексты» (1, 21). Интертекстуальность исключает возможность выделения первичного и оригинального текста, ибо у него нет начала и конца. В равной мере она не позволяет ставить вопрос об авторе и творце текста. С конца 1960-х годов представители постструктурализма и семиотики (У.Эко, Ж.Деррида, Ю.Кристева, Р.Барт, Ж.Рикарду и др.) разрабатывают новую концепцию текста, в которой центральная идея о том, что он является неким организмом или закрытой системой, подвергается сомнению и опровергается. Ю.Кристева, опираясь на диалогизм М.М.Бахтина, выдвигает принцип интертекстуальности, согласно которому «всякий текст строится как мозаика цитат, всякий текст есть поглощение и трансформация другого текста» (2, 23). У.Эко формулирует сходный семиотический принцип, в соответствии с которым «всякий текст написан на текст».

«В целом, учитывая всю метафорическую насыщенность и размытость понятия текста с постструктуралистских позиций, его можно охарактеризовать как: 1) «сеть» генерации значений без цели и без центра (основной идеи, общей формулы, сведение к которой задавало каноны классической критики и, шире, философии); 2) опровержение «мифа о филиации», наличии источников и влияний, из исторической суммы которых возникает произведение как анонимный динамический, исполненный смысла горизонт для всех институционализовавшихся (в печатной форме, например); 3) «множественность смысла», принципиальная открытость, незавершенность значений, не поддающаяся определению и иерархизации со стороны властных структур (или конституирующая первичный уровень власти) и отсылающая к сфере желания, нетематизируемой пограничной области культуры». Следует отметить, что расширение зоны исследования текста привело к изменению объектов текстологических исследований: ими стали и такие отрасли культуры, как архитектура, живопись. Исследования текста вышли за рамки литературы.

В постмодернизме вся реальность мыслится как текст, дискурс, повествование. Понимание текстов возможно лишь в "дискурсивном поле культуры". Иначе говоря, их можно понять только в связи с другими текстами, но не в связи с каким-либо "буквальным" значением или нормативной истиной. В «Архе» Любка Дереша прослеживается один из главнейших приемов постмодернизма, который проявляется в том, что текст, написанный автором, и есть реальность. Но у Дереша картина немного иная: с помощью галлюциногена и как следствие избавления от симулякративного покрывала, главная героиня, Терезка, видит мир как текст, более того, она и себя отождествляет с текстом, и это есть та Истина, которую пытались увидеть герои, промывая глаза каплями. К тому же само это закапывание глаз носит глубоко символический характер, только вместо воды, которой люди промывают глаза от пыли и мусора в реальной жизни, в произведении, фигурируют капли, которыми промывают глаза от пыли так называемой реальности мира. Видение себя как букв, составляющих слово «Терезка», возможно, порождает и видение мира, сложенного из букв, а возможно, и отождествление слов «Терезка» и «мир», поскольку постоянная интерпретативность значений заставляет теряться смысл, и тогда не слово имеет значение, а лишь его интерпретация. Следовательно, в произведении Л.Дереша данный прием показа мира как текстообраза не только выступает в качестве наглядной иллюстрации проявления постмодернистской литературы, но и своеобразным образом моделирует некую проекцию сознания индивида.

По словам И.С.Скоропановой: «Произведение малосимволично – Текст всецело символичен» (3, 42). Символ, по Барту, – «не образ, это сама множественность смыслов» (4, 42).

Существует ряд отличий текста от произведения, как например то, что произведение обладает единством смысловой интенции, текст же не существует как законченное целое, и особо важное в контексте данного произведения Дереша отличие – произведение статично, текст же динамичен, это процесс порождения смыслов и новых значений при каждом прочтении. Следовательно, текст выступает не как пассивный объект, а как игра, и обрисовка мира посредством текста, нарочитый бросок важности символизма текста в глаза читателя – это своеобразный посыл к игре. Дереш неспроста дает увидеть «реальный мир» посредством текста, он запутывает, играет с восприятием читателя, хотя его самого там не ощущается, ведь лишь «призрак автора» может явиться в тексте, и поэтому читатель играет сам с собой, путаясь в кажущейся действительности и реальном мире. В «Архе» эта путаница разрешается путем промывания глаз галлюциногенами, где картина жаркого и пыльного летнего города сменяется вначале прообразом «яйцесферы», вызванного правда не каплями, но измененным в предвкушении самого изменения видения мира сознанием Терезки, а потом и Текстом, содержащим в себе весь мир. Следующее отличие – в том, что «текст не имеет автора, только «призрак» его может появиться в тексте в качестве одного из голосов-персонажей» (3, 43), и примером этого у Дереша является его присутствие в тексте, когда он одновременно и персонаж, разговаривающий с Терезой, и писатель, создающий ее следующие реплики («я зустрівся зі своєю уявою», - пишет Дереш), и неосознанно каждый из читателей в этот момент ощущает себя и пешкой, и игроком, ведущим партию. Только в тексте постмодернистского произведения возможна подобная вольность игры с воображением и сознанием, только тут многообразность не заставляет теряться, но создает новый пласт реальности.

Подтверждением же теории «автора – призрака» в данном произведении служит обращение героя «Архе» к самому Дерешу: «Зокрема, яким, Дереш, буде твоє ізумленіє, мені цікаво, коли ти дізнаєшся, що тебе придумав лічно я?» (5, 198). Здесь прослеживается и симулякративная природа созданного Дерешем мира, и эфемерное присутствие автора как создателя вселенной, но вместе с тем самого предстоящего созданием части этой же вселенной. Заставляя сомневаться в своей реальности как автора, Дереш приводит читателя к подобному сомнению – а есть ли он сам, этот читатель? Или он всего лишь греза посетителя «клуба галогенов»? И тут еще одна характерная черта постмодернистского текста – воплощение в произведении теории солипсизма и в философском, и в этическом значениях.

Помимо этого, текст выступает как способ познания действительности: «Слова, мов блискавки, проскочили всередину... Прийшло просте знання – не думання, а пізнання...» (5, 112). «Слова є світ», - говорит один из персонажей Дереша – Дикий, и тут же другой понимает Истину - «а світ є слово», и уже не существует для них ночного Львова, поскольку и ночь, и Львов – исчезают в бесконечности распадающейся саморефлексии. Согласно И.С.Скоропановой, текст открыт в бесконечность означающего, что и предполагает игру, выявление смысла в самом тексте посредством увеличивающейся в процессе восприятия множественности значений. Слово «видеть» приобретает качественно иной смысл после «закрапування очей». Это уже не просто обозначение визуального восприятия мира – это постижение его глубинной сути, сакрального смысла, каким наполнена каждая точка, что «увидели» Тереза, Буба и Антон. Превращение мира в словесные знаки, видение его посредством букв и знаков препинания в обычной реальности возможно только посредством игры воображения при прочтении художественного произведения. В данном же случае персонажи читали сами себя, видели сущность не

себя в действительности, но мира в себе, сами были миром вокруг. И вот это представление Мира как текста стало означающим для сознания персонажей «Архе», стало загадкой и решением одновременно для читателей и осталось ироничной улыбкой автора. Недаром Дереш говорит устами персонажа «Я – це автор. Але не чекайте від нього сенсацій...краще спробуйте самі. Бог є слово, до того ж богом бути класно...Я – це парабола, сяюча крива крізь натовп точок, рух догори, way up. Але це не має значення. Бо це Свобода. Страшно?» (5, 248). И действительно страшно, страшно от предоставленного множества возможностей, страшно от всемогущества и всевидения, которое дает авторство Текста, ведь «...краще спробуйте самі», – говорит Дереш, и читатель на вкус пробует власть создавать нового себя, новый мир, создавая даже не слово, но образ слова в сознании, играя с ним, путаясь в калейдоскопе значений. По-разному можно понять прохождение через «натовп точок» – и как через толпу людей, пребывающих просто точками в Тексте реальности, и как прохождение через многообразие смыслообразов. Но и в том и в другом случае читатель видит не Дереша, описывающего себя, но себя самого (читателя), как «сяючу параболу..., рух догори» (5, 248), возвышает себя над «натовпом», верит в собственную исключительность и важность, ведь ему предоставляется возможность создать мир, пусть это и означает начать «видіти» его. Видение в произведении достигается не только закапыванием глаз, это и ментальное воздействие индивида на сознание других людей, и, прежде всего, на свое собственное. Чтобы представить весь мир рисунком на внутренней стороне писанки-геометрии, надо сначала представить себя внутри неё. Данная в тексте произведения идея обрастает плотью реальности по мере овеществления её читателем, сам текст произведения предстает как некий иной мир «мереживний візерунок на внутрішній стороні писанки-геометрії» (5, 20). И читатель с радостью создает этот мир, играет с образами действительности, пытаясь целостно увидеть реальность, превратиться в неё. Но это «...не має значення» (5, 248), ничего не имеет значения, только Свобода, данная читателю, с одной стороны, открывает горизонты нового видения мира, но с другой, – затягивает в хаос неопределенности. Одна из основных характеристик литературы постмодернизма – отрицание смысла, аннулирование значения слова, и это как нельзя более ясно воплощено в «Архе». В произведении очевидна игра постмодернистского Текста с читателем, построенная на поливариантности значений и вариативности восприятия самого читателя.

1. Деррида Ж. Письма к японскому другу // Вопросы философии. - 1992. - №4.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман. – М., 2000.
3. Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература. – М., 2001.
4. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994.
5. Дереш Любко. Архе. – Львів, 2005.